

Тоббол

Д. Шторк-Шива

12+

Людмила Шторк – Шива

Тобол

«Автор»

2017

Шторк – Шива Л.

Тобол / Л. Шторк – Шива — «Автор», 2017

Действие происходит в наши дни, в Казахстане. Повесть «Тобол» о верности и уме собак. Семейство крупных собак породы «алабай» имеет в родословной гены красного степного волка. Жизнь разбросала щенков по всей стране. Тобол – очень умный пес, потерявший хозяина. Он проходит путь от высокогорья, где прошла большая часть его жизни, до зимовья в степи, где его дальний предок, красный волк, прожил жизнь. Повесть о верности и дружбе, о красоте мира, в котором мы живем.

© Шторк – Шива Л., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Людмила Шторк – Шива Тобол

Глава 1

Большой Чарынский каньон много лет радует глаз проходящих мимо людей, маня их побродить среди величественных скал причудливых форм. Множество любителей необычной красоты земли со всех уголков планеты посещают это удивительное место, восхищаясь творением природы – ветра и воды. Веками речки большие и малые вымывали песок и глину из скал, обнажая древние слои каменистых пород. Ветер и дожди продолжали стряхивать с пород песок, придавая скалам необычные формы.

Можно бродить не один день по дну каньона, восхищаясь мастерством Великого Художника, посредством ветра и воды, создавшего удивительные замки, колонны и башни, поражаясь, как каменные громады держатся на тонкой «шее» не разрушаясь десятилетиями. Эти странные чудища многие века медленно поднимаются из земли с помощью ветра и воды, расправляя онемевшие члены и подставляя их жаркому южному солнцу Азии. Красные и бурые камни почти безжизненны. Горячее степное солнце высушивает стланцевые породы, не позволяя растительности запустить в них корни. Но в долинах у самой реки поздней осенью и зимой мирно пасутся отары овец, ощипывая скудную растительность.

Но поднимаясь по руслу реки Чарын, путник наблюдает, как обветренные сухие кости сказочных великанов, словно плотью покрываются зеленью, наполняются жизнью, пением птиц и покрываются множеством видов животных, расцветая на глазах большим разнообразием жизни.

И в горах у истока реки, около самых ледников, словно избавившись от всех оков, жизнь разлилась вокруг, наполнив собою все, от земли, до высот неба.

С ранней весны и до поздней осени Жайлау дает пищу овцам, лошадям и коровам. Здесь они нагуливают потерянный за зиму жирок и растят потомство. Чабаны бережно охраняют животных от хищников, и ни одно стадо не обходится без верных помощников – пастушьих собак, которые день и ночь несут свою стражу при отарах.

Прекрасные горные равнины зимой становятся почти непроходимыми из-за глубокого снега и потому зимой чабаны живут на скудных растительностью низинах. И здесь, внизу большие отары овец и табуны лошадей переживают суровую зиму, обгрызая жесткие колючки, мечтают о весне и свежей травке.

В этом году весна порадовала людей и животных своим ранним приходом. Весна становилась ласковее и теплее, прогоняя остатки холодного снега, и скоро весеннее ласковое солнце согревало верхушки степных трав, заставляя благоухать первые редкие степные цветы. В оврагах и в дальнем каньоне все еще лежал почерневший снег, и воздух был прохладным и влажным. Выходя из помещения, люди поеживались и запахивали куртки, несмотря на яркое солнце.

Постоянные порывы ветра в степи, стихающие лишь иногда, не позволяли забыть об уходящей холодной зиме. И только в редких впадинах, защищенных от ветра, можно было погреться на солнышке и насладиться теплом. Непривычному к этим местам путнику было бы непонятно, чем могут питаться здесь животные? Трава была редкой и жесткой. Но овцы и коровы, выросшие в этих краях, радовались весенней травке. Всю зиму им приходилось обгрызать сухие веточки почти до корня, и только вечером чабаны бросали голодным животным немного сена, а сейчас молодая, почти незаметная зеленая поросль казалась мягкой и вкусной. Скоро отары тронутся с зимовья к горам, в верховья реки Чарын, где стада смогут насладиться настоящей горной травой и нагулять потерянный за зиму жирок. Но сейчас приходится довольствоваться зеленью впадин и радоваться, когда чабан погонит ближе к каньону, на дне которого протекает речка. Вдоль реки много зелени и овцы торопились наполнить ею желудок, чтобы потом вечером в прохладе, отдыхая, пережевывать ее, еще раз мечтавая о летнем изобилии.

Русло реки пересекало степь глубоким каньоном с крутыми берегами, дно каньона в некоторых местах достигало в поперечине нескольких десятков метров и его покрывали сплошные заросли. Причудливо изогнутые ветви туранги создавали впечатление фантастического пейзажа, арча, тамариск, розовые в цвету кусты курчавки и невысокая трава создавали много укромных уголков для отдыха. Бурная в верховьях, река Чарын спускаясь с гор, растекалась по степи, успокоившись от быстрого бега, давала прохладу окружающей растительности и своим журчанием не нарушала, а лишь подчеркивала тишину. Если бы случайный путник оказался в степи, лишь в сотне метров от русла реки, его глазам предстала бы ровная степь, с невысокими редкими холмами, без каких-либо признаков деревьев или впадин. Но подойдя к самому краю, путник поражался красным скалам, уводящим вглубь земли, зеленым полянам на дне каньона, прикрытым тенью деревьев и прохладе мутного от талого снега весеннего потока. Меньшие по размеру каньоны, как речки стекались в основной большой каньон, на дне которого протекала довольно большая река.

Отары пасущихся овец и крупного скота раскинулись по весенней степи в нижней части реки Чарын, откуда видно как глубокий каньон, как река «растекается» выходя на равнину и его стены становятся все ниже. Отары овец разбросаны по степи до самого горизонта, но чабанов, кажется не видно вообще и только крупные собаки, ростом выше некоторых овец

лениво обходят стада, сгоняя увлекшихся ягнят. Мало смельчаков, отважившихся подойти к стаду и уж тем более взять хотя бы одну овцу. Если бы появился такой смельчак – рассеявшиеся между овцами и мирно отдыхающие алабаи и другие пастушьи собаки мгновенно собрались бы к нему с лаем и рычанием готовые отстаивать хозяйское добро. И не многие достаточно сильны, чтобы тягаться с серьезными псами.

На сердитый лай собак сразу появляется чабан, до этого момента мирно отдыхающий под редким кустом тамариска или джиды и тогда непрошенному гостю приходится объясняться не только с собаками, но и с чабаном. Но чужаки, охочие до чужого добра не часто появляются в степи, где редкие кустики позволяют оглядывать пространство в несколько километров. Поэтому сейчас стадо вместе со своими охранниками наслаждалось тишиной и покоем. Многие коровы и овцы еще не разрешились от своего бремени и были очень вялыми, готовясь дать потомство. Крупные коршуны кружили над землей в поисках добычи на своих мягких крыльях, не нарушая тишины.

Чуть в стороне от овец две крупные собаки пасли небольшое стадо годовалых телят, которые доставляли своим охранникам немало хлопот, резвясь и играя. Один маленький бычок разбежавшись, боднул другого и тот не остался в долгу, размахивая еще не существующими рожками, помчался догонять обидчика. Оба проказника побежали вниз, в глубокий каньон с крутыми берегами, рассеченными тропками, на дне которого пробегала речушка, уже много веков поившая своими водами отары овец и диких животных этого района до середины лета. Далеко ниже по течению, речка впадала в большую реку Чарын, но здесь, она казалась крошечной в каньоне глубиной почти в пол километра. К середине лета русло маленькой речки высыхало, трава в степи выгорала, кусты тамариска и курчавки, радовавшие глаз яркими красками весной, становились неприглядно серо-зелеными, а отары вместе с чабанами кочевали вверх по течению основной реки, в горы, где травы и воды было вдоволь для всех стад.

Путешествуя на небольшие расстояния, чабан приторачивал к седлу курджун с несложными пожитками. Обычно там был чайник, кусок кошмы на который он ложился ночью, немного еды, старое ватное одеяло, и аркан с вплетенным в него конским волосом. Если чабан путешествовал по степи, где не было деревьев, он брал с собой сухой кизяк, чтобы развести огонь.

Остановившись на ночлег, чабан укладывал вокруг себя аркан, чтобы скорпионы или змеи не тревожили его сон, разжигал огонь, кушал и ложился спать на кошму, укрывшись теплым одеялом. Если чабаны уходили на горные пастбища, тогда утвари везли с собой больше и приходилось нагружать две-три лошади. Но сейчас отара стояла на месте и потому все необходимое было в юрте чабана.

Зара – старая опытная пастушья собака обучала свою молодую дочь Чару всем премудростям охранного труда, но Чаре в этот период трудно было сконцентрироваться на работе, она грустно бродила за стадом прошлогодних телят, не способная работать, за что сегодня уже не раз получала жесткие взбучки от старшей собаки. Привлеченные зовом природы кобели, охраняющие соседнее стадо уже не раз появлялись рядом, но человек властно прекращал все «ухаживания».

– Не вам назначена она, не вашу породу продлять будем. У нас свой производитель! – крикнул чабан, жестко охаживая длинным хлыстом очередного молодого кобеля, пытающегося подобраться к молодой Чаре.

Но в то же мгновение чабан заметил телят, галопом спускающихся в каньон и быстро исчезающих среди скал.

– Чара, Зара, ату! Верни! – приказал он собакам.

Обе собаки сорвались с места и побежали за телятами.

В зарослях джиды и тамариска коротали тихий теплый весенний день небольшая стая красных степных волков. Звери этой породы не напрасно занесены были защитниками живот-

ных в Красную Книгу – их стая, в лучшие времена насчитывавшая до двадцати особей, этой весной состояла из восьми, большая часть которых уже были помесью с пришедшими с северных районов серыми волками, населявшими все верховья реки Чарын. В последней стае в этом сезоне осталось лишь две самки красных волков. Брачный сезон почти закончился и те, кому посчастливилось найти себе пару, уже разошлись по степи, наслаждаясь играми со своими избранницами, но четыре одиноких волка еще оставались вместе. Сегодня они были сыты, и ничто не нарушало дневной покой, как вдруг в зарослях послышался громкий шум. Волки вскочили, шерсть на загривке поднялась. У самой поляны они услышали громкий лай собак, заставивший их вздрогнуть. Сегодня волки не желали столкновения, поэтому от старшего до молодого удалились с полянки.

Телята повернули обратно, испуганные лаем собак, Зара спокойно последовала за телятами, но Чара, чей нюх не был притуплен старостью, почуяла волков и с яростным рычанием, рванула в заросли. Увлечшись погоней, Чара не заметила, что ее старшая подруга и мать ушла к отаре, подгоняя резвящихся, беспечных телят. Она опомнилась только когда оказалась на очередной полянке в окружении волков. Смело бросившись на того, кто оказался спереди, она получила сильный удар сбоку, сбивший ее с ног, от удивительно крупного старого красного волка,. Чара отчаянно завизжала.

Но волк почему-то не бросился на нее, возможно, почуял запах самки, готовой к спариванию. Остальные волки стаи также не нападали. Тогда Чара, немного осмелев, попыталась выбраться из круга, но старый вожак, который в этом году впервые за много лет не смог отстоять право на волчицу, бросился на нее и одним ударом вернул в круг. Теперь ему предстояло не только заставить нежданную гостью остаться, но и отвоевать у молодых волков право ухаживать за ней. Рыжий волк был почти вполтину крупнее молодняка, оставшегося в стае. Сильные соперники уже получили своих подруг, и ушли в степь, а молодняк не рискнул бы по-настоящему драться с Рыжим – силы неравны. Пара молодых волков попытались подойти к Чаре, но встретили яростное сопротивление как со стороны Чары, так и от Рыжего волка. Но Чара и Рыжему не отдавала предпочтения – единственной ее мечтой было вернуться домой, но Рыжий волк отрезал ей путь к бегству и медленно оттеснял в заросли, продолжая ухаживать, и наконец она покорилась, прекратив попытки бегства. Молодые волки скоро отстали, поняв безнадежность своего положения. В этом году им не суждено было продолжить свой род. Придется ждать более благоприятного времени, возможно, в следующем году.

Молодая Чара еще не понимала всей опасности своего положения. Не будь она в том состоянии, в котором была – волки разорвали бы ее в считанные секунды, но Чару спасла весна.

Чара и Рыжий волк бродили по степи и руслу реки десять дней. Они вместе охотились, вместе отдыхали, все дальше поднимаясь к горам. Рыжий искал места для логова, где его подруга смогла бы выкормить их потомство, но Чара, успокоившись от любовной горячки, затосковала. Она грустно бродила по степи и каньонам, жадно втягивая носом воздух, ища знакомую отару, своего хозяина. Рыжему непонятна была тоска подруги, и он нередко подгонял ее к верховьям реки, где было много уютных маленьких пещер и обилие мелких и крупных животных, которыми можно было выкормить будущих щенков.

Однажды рано утром Чара решительно встала и направилась вниз, к отарам. Рыжий волк больше не мог ее удержать, Чара уходила навсегда, домой.

Чара бежала два дня, только иногда отдыхая в тени редкого кустарника. Она не потеряла ориентиры во время своих прогулок, древние инстинкты в этой породе сильны. Чара шла домой не по старым следам легких приключений с Рыжим волком, но напрямую, срезая все неровности пути, словно только что прошла этим путем по одной ей ведомым почти незаметным тропкам. И Чара не ошиблась.

Вечером жена чабана вышла кормить собак. Она бросила псам по лепешке хлеба, затем удивленно воскликнула.

– Глянь, sake, Чара вернулась!

– Это хорошо! – обрадовался чабан – я уж думал, порвали ее волки. Жалко, такую собаку мы не скоро смогли бы найти себе.

Прошло немного времени и хозяева заметили, что Чара носит щенков.

– Похоже, нагуляла с волком! – покачал головой чабан, придется ей сделать загон, иначе собаки порвут ее щенков. Для отар эти щенки не подходят – нам не нужны новости. Кто знает, чьи гены в них победят? Но, говорят сейчас в городе помесь собак с волком в моде. Что ж, воспользуемся модой и продадим их в город.

Глава 2

Тобол, Соня, Ума, Шериф и Рада родились в начале лета в горном поселке недалеко от озера Куль-Сай, и приходились правнуками Рыжему волку и Чаре. Не многие следят за родословной помесных собак, но у этих щенков все документы были в порядке. Кроме Рыжего волка все родичи были чистокровными алабаями.

Тоболу, его братьям и сестрам, а также их прародителю повезло больше других щенков Чары и Рыжего волка, которых чабан привез на рынок. За свирепый и непредсказуемый нрав в первый же год жизни три кобеля были усыплены своими хозяевами. Одну самку пришлось усыпить после рождения ее первых щенков, потому что она не подпускала никого к ним, и когда хозяин хотел посмотреть на щенков, та бросилась на него, порвав сухожилия на руке. Бабка Тобола, Умы, Сони, Рады и Шерифа унаследовала больше качеств от матери, чем от отца и поэтому осталась жить. Ее щенки были немного похожи на волков, но нрав получили собачий, тем самым вновь получив право на жизнь. В документах запись о рыжих волках оставили, но для многих любителей собак эта запись была скорее преимуществом, чем недостатком.

Ценность щенков увеличилась, когда мать Тобола, попавшая жить в поселок у самого подножия гор, в семью, которая занималась скотоводством и разведением алабаев, показала не только умение заботиться о щенках и уравновешенный характер. Ак-тос проявила уникальную способность, взяв на себя заботу о маленькой дочери хозяев. Нередко собака вылизывала грязные ручки гуляющего во дворе ребенка, на это мало кто обращал внимание, но в один из дней двухлетний ребенок упал в жгучую степную крапиву, раскричавшись на весь двор. Когда все хозяева сбежали на крик ребенка, застали удивительную картину, собака вытащила девочку

за одежду из крапивы и поставив ее на четвереньки, принесла «утешительный приз» – большую лошадиную кость. С тех пор любимице Ак-тос позволялось многое. Хозяйева стали подмечать и другие проявления заботы собаки об их малышке, поняв, что та приняла ее в свою «семью», воспринимая как своего щенка. Они перестали удивляться, когда Ак-тос отдавала их дочери придушенного зайца, принеся его с гор.

Ущелье Куль-Сай, в котором расположены шесть озер удивительной красоты, питающихся водой родников, покрыто елями и можжевельником. Озера прозрачны до самого дна. С берега можно наблюдать за форелью, спокойно плавающей на глубине четырех-пяти метров. Вода озер холодна даже летом и немного найдется смельчаков, готовых окунуться. Для некоторых смельчаков попытка искупаться в озере почти равна попытке научиться ходить по воде. Прыгнув в озеро с берега, смельчак выскакивает из воды, едва прикоснувшись к ее поверхности.

Но на берегу каждый посетитель погружается в удивительную красоту и тишину. Невозможно передать восторг, при котором хочется затихнуть, затаиться, боясь упустить мгновение или звук, чтобы не нарушить эту удивительную гармонию чистоты воздуха, глубины неба, прозрачности воды и удивительно яркой зелени гор. Здесь животные не мешают, они лишь подчеркивают первозданность природы. Очень редкие звуки человеческой речи или лай собаки, заглушаются зеленым покровом гор, как в звукозаписывающей студии коврами заглушаются отзвуки, отражающиеся от стен.

Это удивительное место казахстанских гор Тобол, его братья и сестры могли назвать своим домом. Крупные собаки словно пропитались с рождения покоем и силой горных склонов и чистых озер. Озера расположены в ущельях, веером раскинувшихся от поселка Саты вглубь гор и собаки знают дорогу ко всем озерам, бродя за пасущимися домашними животными или сопровождая хозяина.

Чуть левее ущелья Куль-Сай, ущелье Кайнды мягко рассекает тело горного массива. За каждым новым поворотом ущелье раскрывает новые красоты. В верхней части ущелья как в ладони горного великана дышит тайной озеро Кайнды. Речка, затопившая много лет назад группу елей, питает озеро, заросшее мхом. В озере не живет рыба, только мелкая живность, обитающая в длинных подводных «бородах» мха, свисающего с мертвых стволов елей. Любителей дайверов, рискнувших погрузиться в холодную воду озера, чтобы снять сказочную красоту подводного мира на камеру, через несколько минут трясло от холода даже в «сухих» костюмах, позволяющих дайверам погружаться в воду, не намочив ног. Сухие стволы елей торчат из глади озера и молчаливо повествуют о временах, когда озера не было, и они спокойно росли на берегу горной речушки. Теперь же ели стоят памятником простой истины «все на земле не вечно».

Поселок, в котором родились щенки, «прижался» к подножию гор, вдали от других населенных пунктов. Для животных этот край был раздольем. Люди в поселке жили скромно, но не бедствовали, почти в каждом дворе разводили скот. Обычно казахи редко занимаются земледелием, но здесь у каждого домика раскинулись целые площади, засаженные картофелем. Часть урожая сельчане продавали в город. Склоны гор, покрытые высокой травой, не выгоравшей все лето, давали корм овцам, лошадям и коровам. В поселке не много было мест, позволявших зарабатывать себе на жизнь, но заработок, полученный с огородов и от стад, помогал людям выжить.

Одни из жителей разводили баранов, другие лошадей или коров, а иногда и всех вместе. Каждый занимался тем, что было удобнее. Недалеко от дома, где жили Лохматый и его семейство, жил старый скотовод. Балтабай был хорошим человеком и опытным скотоводом. Его табун насчитывал до двадцати лошадей. Каждый год осенью Балтабай увозил часть лошадей в город на продажу, но следил за поголовьем, чтобы оно увеличивалось с каждым годом хотя бы на три-четыре лошади. Балтабай гордился своим прекрасным табуном.

Он сам был порядочным и ответственным мужчиной, хорошим мужем для своей жены, но не сумел воспитать хороших сыновей. Дочь Балтабая рано вышла замуж и ушла из родительского дома, а три сына, на горе родителей были ленивы и любили выпить. И увещевал Балтабай своих сыновей и наказывал – ничего не помогало. Молодые люди тайком от родителей всегда находили возможность и причину выпить. Строгие обычаи и воспитание не позволяло молодым мужчинам курить при родителях или появляться на глаза в пьяном виде, но от этого жизнь их не становилась лучше. «Зеленый змий» губил жизнь детей Балтабая, разрушая их семьи. Прошло несколько лет и родители вынуждены были признать – их дети стали алкоголиками.

– Глаза б мои не видели вашу непутевую жизнь – нередко говорил Балтабай сыновьям – вы рушите свою жизнь и все над чем мы с матерью трудились!

Жена старшего сына ушла в родительский дом, забрав первенца-внука на которого Балтабай возлагал большие надежды, и старик не возражал, понимая, что его сын-алкоголик не может научить своего сына добру. Беда не приходит в дом одна. Через время жена Балтабая, его любимая Гульнара заболела и умерла. Горе сломило старика, и он замкнулся в себе.

Прошло немного времени, и старик стал замечать, что видит все хуже. Вскоре он вынужден был полностью поручить табун детям. А спустя еще короткое время, старик ослеп полностью. Дети не обижали старика, почитая его седину, но заботиться о табуне не хотели, да и выпивка привлекала их намного больше, чем желание трудиться. Поэтому табун старика редел с каждым годом.

Прошло немного времени и от большого табуна осталось лишь несколько кобыл и жеребец.

Старик волновался о своем табуне и однажды попросил сыновей:

– Пригоните табун домой. Если я не могу видеть моих коней, дайте хоть послушать топот их копыт!

– Хорошо, отец, я пригоню – обещал Берик, младший из сыновей.

Когда он отошел от отца, старший брат подошел к нему и выругался.

– Ты что, предать нас хочешь? Он же проклянет нас, если узнает, что показывать-то нечего!

– Не волнуйся, отец и не поймет, что их мало осталось – обещал Берик.

– Что ты задумал? – не понял Канат.

– Увидишь, все будет в порядке – заверил младший брат.

Он ушел на пастбище и через несколько часов появился с лошадьми, загнал их в загон и пошел к отцу.

– Отец, я пригнал лошадей, ты хочешь сходить к загону или сюда их пригнать?

– Куда я пойду, слепой!? До загона я не дойду. Я сяду здесь, у двери на скамейку, а ты прогони их мимо дома, вот я и послушаю музыку их копыт, ... порадуюсь – вздохнул старик.

– Хорошо, я сейчас пригоню их – заверил сын и отправился к загону.

Берик позвал к себе Каната и сказал.

– Ты встань на повороте от нашего дома на улицу и поворачивай коней за дом.

Затем он подошел к Самату, среднему брату и ему сказал.

– Ты стой на этом повороте за домом и когда лошади будут бежать к тебе, поворачивай их к Канату. А я около дома буду стоять, не дам им уйти на улицу, которая идет к магазину. Пусть они побегают вокруг дома, и отец подумает, что у нас табун не стал меньше, чем раньше.

– Ну ты, брат, хитрый! – удивились старшие братья – мы бы не так придумали! А тут и нам хорошо и отец не будет сердиться!

Так они и сделали, гоняли лошадей вокруг дома минут пятнадцать подряд. А потом угнали в загон.

– Молодцы, сыновья мои! – обрадовался Балтабай – я думал, что табун пропадет без меня. Что вы пропьете моих лошадей, а вы сделали мой табун больше!

– Не волнуйся, отец, все в порядке – соврал Берик – лошади твои здоровы, плодятся и размножаются.

Так и стали они обманывать старика. Как только он попросит «показать» ему лошадей, братья гоняют их вокруг дома, пока не сочтут что «количество» лошадей похоже на то, что было раньше.

Соседи, видя обман сыновей, только качали головами, не сообщали правды Балтабаю, жалея старика.

– Пусть хоть умрет спокойно, думая, что его табун в целости и сохранности, что дети его справились и заботятся о хозяйстве – поговаривали соседи.

Ак-Тос и Лохматый не раз сидели на пригорке, смотрели, как несколько лошадей галопом скачут вокруг дома соседей и не могли понять, зачем они это делают, и на пастбище не убегают и в загон не уходят? Животным непонятна человеческая хитрость и ложь.

Горы защищали поселок от бурных ветров, укрывая с двух сторон широкое ущелье, которое разделялось веером еще на несколько ущелий удивительной красоты. Коровы, овцы и лошади паслись в ущельях по округе, иногда уходя в горы на пять, шесть километров. Местные жители привыкли искать скотину вечерами и гнать ее домой. В горах оставлять домашних животных было очень опасно, так как волки всегда готовы были найти животное первыми. И только отары с овцами люди угоняли далеко от поселка иногда на все лето. Но с овцами кочевали и чабаны с охранными собаками, иногда всей семьей собирали юрты и жили на горных пастбищах.

Хозяева Ак-Тос и Лохматого не кочевали со стадами, они жили в поселке, но собаки нередко уходили далеко в горы, охотясь на мелкую и не очень мелкую дичь. Охота в горах была запрещена, но на собак этот запрет не распространялся – собаке трудно объяснить смысл слова «заповедник». Хозяева решили, что для собаки достаточно того, что она поняла запрет охоты на овец. Когда Ак-тос принесла зайца, хозяин не был удивлен, он спокойно похвалил собаку.

– Молодец, кормилица, говорил хозяин, обращаясь к собаке. Затем звал хозяйку – жена, Ак-тос нашей Карлыгаш мясо принесла.

Ак-тос как и многие алабаи была очень сдержана и даже флегматична. Она не любила бурных проявлений чувств, поэтому не ждала больше ничего. Полностью довольная собой и вниманием хозяина, она уходила на место к своим щенкам. А хозяева радовались уму собаки. Хозяин отдавал добычу собакам, и Ак-тос спокойно наблюдала, как щенки, разорвав добычу, поедали мясо каждый в своем уголке. Однажды Ак-тос принесла и положила перед Карлыгаш маленького барашка, за что была наказана. Барашка не отдали собакам, а закопали в землю в месте, где собака не могла выкопать его. Больше та не охотилась на ягнят. Расспросив всех соседей в округе, хозяин узнал, что они с Лохматым проделали путь почти в десяток километров, чтобы не красть барашка у ближайших соседей, хотя в округе почти все держали скот.

Кобель – производитель по кличке Лохматый был обычным почти гладкошерстым алабаем, неизвестно за что получившим свою кличку. Он был примером терпения и спокойствия, позволял детям хозяев делать с собой все. Если ему становилось больно, пес вставал и уходил, даже не рыкнув на детей. К дрессировке относился несколько необычно – только через день – другой выдавал то, чему его учили, но с собственным отношением к команде. Пытаясь научить Лохматого носить хлыст, хозяин бился целый день, в конце дрессировки махнув рукой.

– Он безнадежен!

Но назавтра Лохматый принес хлыст и ткнул рукояткой в руку хозяина, словно спрашивая:

«Тебе это было нужно?»

– Ну что же ты вчера мне не приносил его? – возмутился хозяин.

Лохматый только повилял обрубок хвоста и спокойно удалился. Но через время он приносил почти все, что его просили, и для этого не нужно было давать ему понюхать вещь. Хозяин, ремонтируя старенькую машину во дворе и не желая идти за тряпкой для протирки, решил попробовать и приказал Лохматому:

– Лохматый, тряпку принеси!

Лохматый поднял голову, услышав свое имя, но команду, видимо, не понял. Тогда хозяин указал пальцем на тряпку и повторил команду. Каково же было его удивление, когда Лохматый встал и принес ее.

– Молодец! – обрадовано произнес мужчина.

Живя на окраине поселка, Ак-тос и Лохматый нередко уходили на охоту. Их не мог удержать ни один вольер, и хозяевам пришлось мириться с вольнолюбивым нравом своих питомцев. В один из осенних дней пара пригнала к дому крупного жирного барсука. Они не пытались его порвать, лишь подгоняли в нужном направлении. Барсук разъяренно и отчаянно прыгал то на одну собаку, то на другую, но вынужден был идти в направлении, которое выбрали собаки. Ак-тос и Лохматый загнали свою дичь в ближайший ручей и уже почти утопили ее, когда подошел хозяин.

– Лохматый, Ак-тос! – окликнул он – оставьте его!

Но собакам нелегко было оставить добычу. Тогда хозяин надел грубые перчатки, опасаясь зубов довольно крупного для своей породы зверя и, подойдя к барсуку, взял его за загривок. Собаки покорно отдали добычу старшему. Они всегда соблюдали субординацию. Попытки спасти жизнь барсука не увенчались успехом, он умер. Хозяйка вытопила жир, оставив на зиму для натирания как лекарство от простуды, а мясо отдала собакам, но те не стали есть.

– Ты смотри! Избаловались! – возмутилась она.

У хозяев была еще одна самка для разведения, но она всегда оставалась во дворе или в вольере, Серая была спокойной, но трудно обучаемой. Ак-тос нередко гоняла ее, не подпуская к пище и к Лохматому, объявив монополию на большую часть двора и на кобеля, Ак-тос молчаливо заняла место «альфа-самки» как в волчьей стае. Ак-тос не знала о своем происхождении, но гены Рыжего волка напоминали о себе.

Однажды к хозяину Ак-тос пришел сосед.

– Я хотел сказать тебе спасибо за твою пару.

– А что случилось? Твоя отара же на дальнем пастбище?

– Мои чабаны несколько раз видели твою пару в стычке с волками. Они охраняют все наши отары от волков. Хорошо, что в нашем районе небольшая стая волков, а то порвали бы твоих псов.

– Я и не знал, что они до твоей отары доходят! – удивился хозяин.

– Не только доходят, но и держат ее под охраной – сообщил сосед – странно, что твоей Серой с ними не бывает.

– Я не знаю почему, но Ак-тос не приняла Серую в свою маленькую стаю, не любит она ее – усмехнулся хозяин, кивнув в сторону второй собаки, осторожно крадущейся к своей миске – гоняет даже дома, а с собой на прогулку ни разу не взяла. А Лохматый похоже, не хочет отношений портить со своей «подружкой». Он к Серой иногда ходит, но стоит только Ак-тос заметить их вместе, достается обоим. Стервозная собака.

– А Лохматый что, не гоняет Ак-тос? – удивился сосед – обычно ведь кобели не терпят, чтобы самки командовали.

– Не в нашем случае – рассмеялся хозяин – у них равные права и свои правила. Если Ак-тос эти правила нарушает, тогда Лохматый может на нее рыкнуть, но не слишком грозно, иначе встречает яростный отпор.

Наблюдая за парой, хозяин решил.

– Щенков Ак-тос я буду продавать дороже, чем от Серой. Она очень умна и, думаю, ее щенки тоже будут не глупыми.

И он снабдил всех соседей прекрасными пастушьими собаками. Соседи тоже предпочитали потомство Ак-тос, слава об которой прошла по округе, а сила и красота Лохматого принадлежала обоим самкам производителя. Через время хозяин собак принял решение.

– Жена, здесь, в поселке, я не смогу много выручить за наших щенков, поеду-ка я в район, на ярмарку. Может, больше выручу. Уж больно красивые они!

Глава 3

Тобол, Ума, Шериф, Соня и Рада были щенками третьего помета Ак-гос и Лохматого. Они задержались у хозяев дольше обычного, ожидая когда хозяин соберется в город на ярмарку и все получили себе дом далеко от родного поселка.

Тобол был гладкошерстным щенком, от прадеда ему осталась волчья лапа, обостренное обоняние и удивительно острый ум. Тобола купил егерь, одиноко живущий в горах Алатау.

Шериф обладал более длинной шерстью, был крупнее Тобола и спокойнее. Его купил проезжавший мимо ярмарки водитель – дальнобойщик, направляющийся на север Казахстана. Позже других щенков оторвавшись от матери, Шериф отправился в дальнюю дорогу. Он ехал в кабине машины, которая была больше сарая, в котором Шериф вырос. В кабине машины свободно размещались водитель со сменщиком, и щенку хватало места, чтобы побродить, размять лапы. Щенки чувствовали себя еще совсем маленькими, тогда как их рост превышал рост не крупной овчарки, и их старый хозяин научил их всему, что молодняк должен был знать в их возрасте.

Машина, увозившая Шерифа вдаль от родных мест, двигалась днем и ночью, водители сменялись, один из них обычно спал. Чистая степь скоро стала покрываться сосновым перелесками. Желтая, выгоревшая трава становилась все ярче и зеленее. Щенок много спал в дороге, а когда становилось совсем скучно, начинал скулить и тогда второй водитель усаживал его на пассажирское сиденье и Шериф мог наблюдать за дорогой. Это помогало, и щенок замолкал.

Дорога вилась темной лентой через луга с высокой травой, проплывали мимо частые перелески. Машина все продвигалась на север. Иногда новый хозяин выпускал щенка погулять.

Скоро прогулки щенка становились короче, потому что хозяин боялся потерять питомца в высокой траве.

На одной из остановок Шериф с разбегу забежал в придорожную траву и мгновенно остановившись, рванул обратно, испугавшись целого роя комаров и мошки, поднявшейся с травы. Мошкара облаком вилась вокруг щенка, заставив его искать защиты у хозяина. Но уже при следующей остановке Шериф перестал обращать внимания на мошкару и наслаждался прогулками по высокой траве. Север страны покрыт лесами и лето наполнено жужжанием комаров и москитов, к этому Шерифу теперь нужно было привыкать, как ко многому другому в новом месте. Наконец машина остановилась и тяжело качнувшись, замолчала. Водитель взял свои вещи, надел Шерифу поводок. Щенок попытался оказать сопротивление, засунуть голову под сиденье, но его хозяин был непреклонен, и Шерифу пришлось смириться.

Водитель оставил машину во дворе сменщика и пошел к себе домой. В каждом дворе деревни жила собака, и все они посчитали своим долгом обляять новичка. Шерифа это очень пугало. Он не привык видеть столько людей и собак в одном месте. В поселке где он вырос дома были расположены намного дальше друг от друга и собаки не были привязаны у самых ворот. И вот, наконец, ворота во двор закрылись, и шум с улицы немного затих.

Дальнобойщик Рамзан не понимал характера алабаев и, приехав домой, посадил Шерифа на цепь. Шериф затосковал. Он плохо ел, нередко взбирался на свою огромную будку и смотрел вдаль, словно мечтая вернуться в родные горы. И все же порода брала свое – он вырос крупным, широкогрудым псом, но злым охранником так и не стал и хозяин был всегда им недоволен. Однажды в гости к хозяину пришел друг – скотовод. Увидев молодого алабая на цепи, Дамирбек возмутился.

– Держать алабая в качестве цепного пса – все равно, что ездить в поселковый магазин за хлебом на танке! Продай мне собаку!

– С удовольствием! – обрадовался Рамзан. – Я купил его для охраны, а он – никакой! Я подолгу не бываю дома, часто жена остается дома одна, вот и купил крупную собаку, а этот пес почти не лает. И встречает всех также как и тебя – виляет хвостом. Хорошо хоть, вид у него угрожающий, люди сами не подходят, а то поняли бы, что его можно даже погладить.

– А ты показывал Шерифу его владения? – уточнил гость?

– Нет, конечно! С чего это псу показывать двор?!

– Алабаи охраняют только то, что считают своим, а в твоём дворе его территория только то, что находится рядом с его будкой. Так что все твои посетители на его территорию не покушаются. Нужно было сделать так, чтобы он весь двор считал своим. Конечно, с обучением ты опоздал. Теперь трудно будет его научить всему что нужно. Но у нас кто-то повадился красть скот. Никак поймать не можем, постоянно узнают, когда нас дома нет. Короче, сколько ты хочешь за него? – Дамирбек решил сразу переходить к делу.

– Не дорого, хотя за щенка немало отдал. Но я разочарован в нем! – ответил Рамзан и на следующий день Шериф уже ехал в аул в кузове машины для перевозки коров.

По приезде на ферму новый хозяин подержал Шерифа на привязи два дня, чтобы тот привык к новому месту, затем взял с собой на луг, где паслось стадо молодых бычков, и начал обучение. Новое место Шерифу понравилось намного больше. Он почти не скучал по старому дому и старому хозяину.

Высокие травы лугов, сосновый бор и березовые колки радовали собаку, и он как щенок бежал впереди своего нового хозяина. Шериф быстро осваивал несложные правила выпаса скота, ведь с раннего детства он был рядом с матерью и старый хозяин тоже научил его многому, поэтому дрессировка проходила на удивление быстро.

У нового хозяина Шериф понял, что от него требуется и неукоснительно следовал правилам. Скоро хозяину уже не нужно было пасти бычков. Он на весь день оставлял стадо с

Шерифом и тот охранял их от посторонних людей, не позволял разбегаться, не пускал бычков на засеянные поля и вечером пригонял домой.

– Это находка! – радовался скотовод Дамирбек. Если бы Рамзан узнал тебя и твои способности хотя бы вполовину, он загнул бы за тебя тройную цену! – приговаривал он, поглаживая Шерифа по крупной голове. Шериф помахивал обрубком хвоста, словно говоря:

– Да за твою доброту и такую свободу я тебе и не то сделаю!

Осенью новый хозяин увез всех животных в город, на рынок. И всю зиму Шериф отдыхал.

Следующей весной Дамирбек скупил, как обычно, по всей округе маленьких бычков, как только те от материнского молока перешли к взрослой пище. Он осматривал молодняк, опытным взглядом замечая признаки будущих размеров и породистость бычков. Это и было его работой. Через два года Дамирбек увозил большую часть бычков на бойню и лишь самые крупные и породистые уезжали от него в другие хозяйства на племя.

Скупив бычков у всех желающих продать их, Дамирбек показал телят Шерифу.

– Вот твое новое стадо, стереги и паси их.

Шериф помахал хвостом, словно подтверждая, что все понял. В этот момент к скотоводу подошел сын.

– Отец, смотри, Шериф совсем немножко ниже наших бычков. Его даже можно перепутать с одним из них!

– Да, Шериф почти такой же, как самый маленький из бычков – улыбнулся Дамирбек – А ведь он еще совсем молодой, почти щенок! Хороший пес! – одобрительно добавил он.

В конце недели вечером семейство отправилось в гости к родственникам. Весь скот спокойно стоя или лежа отдыхал в загонах, пережевывая траву, которой наполнили свои желудки на лугу. Шериф тихо спал на своем месте у дома. Вдруг прямо у загона остановилась машина. Такой машины не было в ауле, чужие, пришлые пожаловали. Словно нечаянно оба номера машины были плотно забрызганы грязью, ни одной цифры не разобрать. Как только машина затормозила рядом с его владениями, Шериф поднял голову, затем запрыгнул в загон и направился в сторону остановившейся машины. Непрошенные гости не заметили собаку среди телят.

Двое молодых мужчин с явными следами алкоголизма на лице, легко перепрыгнули через изгородь и направились к ближайшему теленку. Теленок лежал на земле, но при виде незнакомцев, направляющихся к нему, вскочил и попытался убежать. Парни преградили ему путь к бегству. Остальные телята вскочили со своих мест и сгрудились у противоположной части загона. Испуганный маленький теленок беспомощно раскачивался из стороны в сторону, стараясь найти путь к бегству, но мужчины не давали ему шанса. Вдруг от группы телят отделился один светлый теленок и со странным рычанием направился прямо на парней. Через мгновение грабители уже забыли о теленке и своих планах. Поняв, что «теленка» мчавшийся на них и тихим и грозным рычанием – это огромный пес с оскаленными зубами.

Едва успев перемахнуть через забор, грабители думали, что избавились от преследователя, но не тут-то было. Шериф, на первый взгляд тяжелый и немного неуклюжий, легко перемахнул через забор и продолжил преследование. В машину парни не успели заскочить. Они помчались по дороге что было сил, надеясь, что преследователь оставит их в покое, как только они пересекут границу владений этого пса. И парни оказались правы. Как только они пересекли невидимую границу, которая в сознании Шерифа являлась границей его владений, он прекратил преследование. Грабители остановились и перевели дух.

Но радовались парни не долго. Как только они попытались вернуться к машине, Шериф кинулся на них с яростью, заставившей их спасаться бегством еще дальше, чем в первый раз. Пес пропускал всех пешеходов, идущих по дороге мимо загона, но не их. Так прошло три часа. Грабители использовали все возможные уловки, чтобы забрать свою машину и все безуспешно. Наконец, к дому подъехал Дамирбек с семьей. Высадив семью, чабан поехал к загону, видя стоящую рядом с забором незнакомую машину.

Один из грабителей направился к своей машине, надеясь, что пес успокоится при виде хозяев. Но Шериф вновь бросился на чужака.

– Эй! Уберите своего бешенного пса! – закричал парень хозяевам – он не подпускает нас к нашей машине!

– Шериф, ко мне! – скомандовал хозяин. Затем повернулся к чужакам – А что ваша машина делает у нашего загона?

– Ну, мы вышли из машины по нужде, здесь же нет никого ... а этот пес бросился на нас! – решил изобразить простачка грабитель, – да уберите же своего бешенного пса!

– Шериф! Стой здесь! – спокойно скомандовал Дамирбек и Шериф встал за его спиной, охраняя хозяина от всего мира.

Для владельцев телят грабители уже давно подготовили «басню», но Дамирбек много лет занимался скотоводством, и его трудно было провести. Но и доказать попытку воровства он не мог.

– Мой пес прекрасно понимает людей – спокойно, но строго ответил мужчина – смотрите, он всех прохожих пропускает, только до вас у него есть дело. Я не знаю, что здесь было, но запомните, завтра я заведу еще три-четыре таких собаки, чтобы такие как вы не ходили здесь «по нужде». А вас еще раз встречу – пристрелю, не буду полицию ждать. У меня как раз берданка солью заряжена, будете месяц отмокать, а потом уже сдам в полицию.

Непрошенные гости, наконец, смогли уехать, но в небольшом ауле Дамирбека почему-то совсем перестал пропадать скот.

Глава 4

Соне дали ее кличку за любовь ко сну. Почти всю ярмарку она проспала. Соня была немного полновата, спокойна и очень умна. Правила жизни и выпаса скота казалось, были прописаны у нее от рождения. Она не любила делать другую работу, но с малых лет старалась подражать взрослым в выпасе овец. С ярмарки ее увезли в аул Жабаглы в Аксу-Жабалинском заповеднике. Здесь Соне жилось привольно, но применить свои навыки она не могла – ей не пришлось пасти скот. Она была счастлива на новом месте, хотя южный Казахстан оказался в некотором роде для нее испытанием. Жаркое солнце не давало Соне покоя большую часть года, и только зимой она наслаждалась, в своей теплой шкуре. Соня выросла крупной спокойной собакой и стала спутником многих групп в походах по горам.

Ее хозяин – мужчина, которому недавно «стукнуло» сорок, хотя выглядел он значительно моложе своих лет, вел активный образ жизни и редко бывал дома. Его дом стоял на окраине села, и Соня любила бродить по склону горы у дома, выслеживая неосторожных сурков. Владимир заведовал туристической базой и очень привязался к своему питомцу, почти не расставаясь с ней. Сначала Соня нервничала, когда хозяин подсаживал ее в багажник своего автомобиля, но потом поняла. Если хозяин не открывает багажник, прежде чем сам садится в машину

– значит ей придется ждать его самое малое пол дня. А если берет ее с собой – тогда его голос будет успокаивать даже во время переезда с одного места на другое. Владимир не любил быстрой езды, и Соню не очень трясло в багажнике. И она скоро сама с радостью запрыгивала в машину и спокойно сворачивалась на подстилке в багажнике, чтобы подремать дорогой.

Она посетила все красивые места области, куда забросила ее судьба, когда хозяин составлял возможные туры для своих клиентов или сам сопровождал группы, если все экскурсоводы были заняты. Она терпеливо ожидала снаружи, когда хозяин заходил в древние мавзолеи, куда животным запрещалось входить, радостно бежала вперед по горной тропе заповедника, распугивая крупных фазанов, когда он прокладывал путь для будущих групп пеших туристов.

Соня видела монументальные постройки древних веков, рядом с которыми даже люди смотрелись крошечными. Но она не любила ездить туда, потому что хозяин всегда оставлял ее ожидать около машины, а там было душно и очень жарко, особенно летом. Даже несколько минут ожидания казались ей вечностью, и Соня забиралась под машину, спасаясь от жаркого солнца. Собака с большим желанием ходила за хозяином рядом с заброшенными становищами древних племен, рассматривала с холма раскопки старого города.

Она увидела многое – просторы бескрайних степей с рыхлой, песчаной землей под ногами и плотные горные тропы. Соня поднималась летом на высокие горы до самых ледников и бродила по жаркой полупустыне. Она знала родную землю Казахстана, как немногие из животных могут знать. Но Соня не обладала любознательностью людей, она была преданной собакой, и для нее было самым важным присутствие хозяина рядом. А хозяин не мог сидеть на месте, он всегда должен был передвигаться. Поэтому по иронии судьбы Соня – самая меланхоличная из помета увидела в своей жизни много различных удивительных мест. Ее лапы знали пески пустынь и лед горных ледников, мягкую траву альпийских лугов и жесткие степные колючки. Соня любила свой дом, но не задумываясь пошла бы на край света с хозяином. Ее настоящий дом был там, где был ее хозяин. Соня не любила, когда посторонние люди трепали ее за ушами, но Владимир мог гладить ее всегда и даже вынимать пинцетом шипы из ее лап после походов, или обрабатывать раны спиртом. Соня терпела боль не пытаясь защищаться. Она полностью доверяла своему хозяину.

Но больше всего Соня любила прокладывать тропы для пеших туристов в горах заповедника! Здесь она была в своей стихии. Даже любовь ко сну уступала любопытству и охотничьему инстинкту. Соня могла бродить по горам часами, и даже весь день напролет. Свежий горный воздух словно вливал бесконечный источник сил в ее мышцы.

Широкая и прохладная река Аксу стала для Сони частым спасением в жаркие дни. После долгого похода по горным хребтам под палящим южным солнцем, Соня с наслаждением ложилась в прохладную воду на мелководье реки и жадно захватывала поток ртом. Соня любила лежа в воде ловить ртом солнечные блики на воде, словно это были рыбки. Даже в старости детская игра не была забыта и Владимира это всегда забавляло.

Прохладная в низовье и холодная в горах река Аксу с шумом несет свои воды по горным ущельям, но успокаивается, спустившись вниз. Чистая горная прохлада ледников под жарким южным солнцем, дает жизнь густой растительности на ее берегах везде, где камни уступают место мягкому грунту. Поэтому лишь в немногих местах река просматривается более чем на сотню метров, она укутана зарослями из деревьев и кустарников как длинная шея – в теплый шарф.

Владимир с Соней прошли многие реки местного заповедника до самых истоков. Речки заповедника рождаются высоко в горах, у ледников, расположенных около трех тысяч метров над уровнем моря, многие из которых свисают со скал, медленно подтаивая. Больше всего Соня боялась ледпадов, когда часть нависшего ледника с громким хрустом откалывается от основной глыбы и с шумом обрушивается вниз.

Еще будучи молоденькой собакой Соня чуть не погибла под обломками льда. Она убежала от хозяина далеко вперед, увлекшись охотой за ловким горностаем, забежала под висячий ледник, и не послушалась, когда Владимир, заметив неладное, и услышав характерный глухой хруст, позвал ее. Огромная глыба льда, свисающая со скалы, обломилась и полетела

вниз, Соня побежала, но было уже поздно. Собаку спасла чистая случайность – льдина ударила об землю в тот самый миг, когда Соня пробежала мимо большого камня, который принял на себя основную часть ледяного удара. Она получила только несколько мелких ран от тонких и острых кусочков льда, которые отлетели от ледяной глыбы, ударившейся об скалы. Осколки льда как стекло вонзились в кожу Сони, пробив даже слой ее шерсти.

Неизвестно сколько дней или месяцев ледяная глыба, подтачиваемая жарким южным солнцем, сползала с крутого склона и нависала над каменными выступами, но сорвалась она в тот самый момент, когда собака пробежала под скалой. Люди не рисковали подходить под эту скалу даже зимой, когда мороз сковывал лед, заставляя его лежать, плотно прижавшись к скалам. Но собака не задумывалась о том, что ее лично не касалось, пока это «что-то» не вонзилось в ее кожу. Соня громко завизжала, мгновенно прижалась к земле, и как только шум стих, все еще повизгивая, рванула к хозяину, ища защиты. Больше она не отходила от Владимира в горах более чем на десять метров, всегда оглаживалась и проверяла расстояние между ними.

Почти весь заповедник был пройден ногами Владимира и лапами его бессменного сопровождающего. Соня очень редко оставляла своего хозяина. Исключение составляло время, когда она должна была ухаживать за своими щенками. Соня оказалась хорошей мамой. Ее щенки не были обделены ни молоком, ни вниманием. Они росли крепкими и сильными. Владимир не занимался профессиональным разведением породы, но и не оставил свою любимицу без потомства.

Соня любила охотиться и будь она человеком, ее обвинили бы в браконьерстве, но Соня была лишь собакой и ей многое прощалось. Иногда ее хозяину приходилось прятать добычу своей собаки от соседей, потому что для нее не существовало различия в добыче, будь то редкий молодой сайгак, или простой сурок, которые в изобилии проживали на склоне горы у дома Владимира. Владимир ругал Соню, даже наказывал иногда, но в отношении охоты Соня была удивительно упряма. Воскресить придушенное животное Владимир не мог, поэтому просто уносил домой, разделявал и кормил Соню мясом ее добычи. И только маралы составляли исключение, но не потому, что Соня понимала запрет охоты на них, а потому, что Соня не встречала их детенышей, а на взрослых не рисковала охотиться в одиночку. Волчья кровь давала о себе знать. Кроме того маралы жили под особой охраной и, возможно, Соня понимала что охота на этих животных может стоить ей жизни. Хозяева маральего хозяйства не потерпят покушение на своих подзащитных, даже если покусившиеся будут простыми собаками. Кроме того, на взгляд Сони грациозные животные были похожи на домашних животных, а их защита прочно была записана в сознании собаки. Но за всю жизнь Соне не пришлось пасти и защищать стада хозяина. Она оказалась в роли любимицы семьи путешественника.

Глава 5

Ума попала на соленую часть прекрасного озера Ала-Коль¹ в Джунгарском Алатау в юго-восточную часть Казахстана, в руки чабана, приехавшего к родственникам с озера Алаколь, которые и подарили ему щенка. Собака унаследовала от прадеда Рыжего волка рыжеватый оттенок шерсти и властный нрав.

Она легко поддавалась дрессировке, словно заранее знала, что хочет от нее хозяин, но никому из собак не позволяла властвовать над собой, за что в раннем детстве получала от старших собак. Но несмотря на прокусы и боль, Ума всякий раз, если что-то было не по ее нраву, затевала драку. Как только размеры Умы позволили ей лидировать – она стала полновластной хозяйкой во всей округе. Даже из кобелей мало кто мог похвастать победой над ней. Собака не была излишне агрессивной – просто все должно было быть так, как она хотела и только хозяину Ума уступала, хотя ей было очень трудно повиноваться. Только хозяин мог сказать Уме что ей делать, да и то, не повышая голоса. Если хозяин вдруг кричал на нее – Ума рычала, осторожно, предупреждающе. Эта собака всегда «ходила по краю». Чабан БекБулат уже не раз задумывался о том, что к старости, возможно, собаку придется пристрелить, если она взбесится или кинется на человека без причины. Но решение свое БекБулат очень хотел отложить до неизвестных времен, а может и не исполнить совсем. Ума практически самостоятельно пасла его табун. Она могла укусить чужую собаку, но никогда не кусала лошадей – беречь хозяйское добро она умела. Даже когда он пропустил время и не оставив в загоне кобылу, готовую родить, и та родила в поле, Ума не позволяла никому из табуна подходить к лошади, но и не давала табуну уйти далеко, чтобы кобыла не потерялась. Вечером, как обычно, Ума пригнала табун домой вместе с пополнением. Весь табун по воле Умы шел с той скоростью, с которой мог идти новорожденный жеребенок. Как только молодняк пытался бежать, Ума бежала наперерез и с лаем останавливала торопливых молодых коней. Бекбалот был очень удивлен и доволен.

Лошади паслись в степи у озера и на полянах в предгорьях, но пить ходили к ближайшей речушке, стекающей с гор, так как эта часть озера была соленой. В лощинах было немало травы, особенно рядом с густыми зарослями ежевики. На полянах встречаются кусты шиповника, жимолости татарской и гребенщика. Весной лошади едят траву только на открытых местах, на полянах, но к осени, когда основная часть травы выгорает, им приходится выщипывать траву из-под кустов, собирая остатки прежней весенней «роскоши». Собаке приходится уходить с табунном все дальше от загона вместе с лошадьми, занятыми поиском пищи.

Люди часто приезжают к берегам озера отдохнуть и полечиться в местных целебных грязях, но лошади и собаки обходят грязь стороной. Они предпочитают ходить там, где земля тверже и не скользит. Местные красоты привычны для животных и даже для местных жителей. Им кажутся странными восторженные возгласы приезжающих туристов, ведь здесь был и есть их дом, и он не меняется с годами. Но красота окружающего мира заставляет ощутить умиротворение человека, чьей душе не чуждо понимание прекрасного.

Озеро Ала-Коль прекрасно в любое время года, хотя растительности на его берегах не много. С северо-востока к берегу прилегает песчаная пустошь [Бармаккум](#), рядом с которой расположены пастбища для скота. Часть озера, где реки впадают в него, вода в озере пресна на вкус, но на противоположной стороне от устьев рек, впадающих в него, вода озера Ала-Коль довольно солон.

Неброская красота здешних мест завораживает тишиной и невысказанностью. Огромные белые пятна солончаков без единого темного камня или веточки растений, синева неба и голубизна озера создает ощущение сказочной нереальности. В стороне от солончаков расти-

¹ В переводе означает «Пестрое» или «разноцветное» озеро.

тельность вновь покрывает степь и дает пищу животным. Ума побывала почти на всех берегах большого озера, когда ее хозяин ездил закупать жеребят для своего табуна.

Лишь однажды ранней осенью Ума была удивлена, когда хозяин поехал с рыбаками на лодке и взял ее с собой. Причина, по которой Уму оторвали от ее работы, была проста – у одного из рыбаков был хороший, породистый кобель и хозяин Умы решил получить от собаки потомство. Но заодно друг – рыбак решил свозить товарища на лодочную прогулку на Птичий остров.

На Птичьем острове Ума растерялась от огромного количества птиц. Лодка пристала к берегу в том месте, где стая фламинго отдыхала во время полдневной жары, готовясь к отлету в теплые страны. Птицы подпустили лодку на удивление близко, и как только дно лодки прикоснулось к песчано-илистому дну озера, вся стая испугано взлетела. Даже отважная Ума прижалась к дну лодки от резкого шума крыльев удивительных розовых птиц с загнутыми клювами. Но не только фламинго проживают на острове. Люди и собака увидели здесь много разных птиц. На острове обитают до сорока видов птиц, и в эту пору многие из них собрались в стаи, готовясь к перелету. Ума и раньше видела многих из птиц, но на острове их было значительно больше, чем на прибрежных пастбищах. Остров напугал собаку своей необычной шумной возней. Путешествие ей не понравилось, и только в конечном пункте ее пути Ума получила удовольствие от общения с отцом ее будущих четырех щенков, которые появились ближе к зиме.

Ума и другие пастушьи собаки не часто видели мясо или кости от хозяев, они предпочитали не ожидать милости от людей, а охотиться самостоятельно. Благо, что в заповеднике нет недостатка в живности. В прибрежных зарослях встречаются кабаны, сибирские косули, ондатра, водяная полевка, водяная кутора, заяц-толай, гребенщикова песчанка, суслики, тушканчики и множество других животных. Ума никогда не приносила добычу домой. Она охотилась в то время, когда табун отдыхал или спокойно пасся. Убедившись, что хозяйское добро в сохранности, Ума заботилась о собственном пропитании, съедая добычу недалеко от пасущегося табуна. Или на рассвете, пока лошади спали в загоне. Иногда судьба баловала ее отбившимся от семейства слабым диким поросенком, но это было не часто, потому что поросята были слишком быстрой и громкой добычей, а у их папаш всегда припасены острые как нож клыки, способные разодрать не одну собаку. Стоило испугать поросенка, и сразу его громкий визг напоминал о необходимости уносить ноги как можно скорее, пока не пришли его мамаша или папаша, поэтому Ума нередко отдавала предпочтение тушканчикам, хоть и маленьким, но не опасным. И если тушканчиков или мышей поймать несколько штук – можно дожидаться вечера и поймать кого-то покрупнее, ондатру или зайца.

Нередко собака выпрашивала еду у туристов, отдыхающих на берегу озера или крала еду у тех, кто не положил пищу повыше или не укрыл чем-нибудь от любителей чужого добра. Не только Ума, но и все собаки этого края любили поживиться за счет туристов, разбивающих палатки на берегу озера. Собаки бродили между палатками ранним утром, пока отдыхающие спали, и вынюхивали «вкусности». Просыпаясь утром, многие незадачливые туристы обнаруживали, что остались без своих мясных припасов, а собак уже давно не было видно в округе – они несли свою непростую службу у стад и табунов. И лишь изредка Ума могла честно попросить лакомство, если табун днем проходил недалеко от палаток. Но даже тем, кто только что угощал собаку, не разрешалось подходить к лошадям. Если кто-то нарушал запрет и пытался подойти к табуну слишком близко, из доброжелательной большой собаки, Ума мгновенно превращалась в серьезного зверя с большими клыками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.